

Австрийская метафилософия от Больцано до Венского кружка

Д. Г. Миронов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: *Миронов Д. Г.* Австрийская метафилософия от Больцано до Венского кружка // *Философия истории философии.* 2021. Т. 2. С. 200–216. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.113>

Цель статьи — сопоставить и проанализировать метафилософские идеи ключевых австрийских мыслителей XIX — первой половины XX вв. Для достижения этой цели решаются несколько задач: во-первых, определяются основные метафилософские позиции, разделяемые разными австрийскими философами; во-вторых, реконструируются некоторые детали обсуждаемых метафилософских подходов; в-третьих, проясняется контекст, в рамках которого происходило изменение метафилософских взглядов. Автор применяет методы рациональной реконструкции и историко-философских сопоставлений. Основное содержание статьи разделено на четыре части. В первой части обсуждается метафилософия Б. Больцано: описываются требования, которые Больцано предъявлял к философствованию, и показывается, как он подходил к вопросу определения понятия философии. Во второй части рассматриваются детали метафилософской позиции Ф. Brentano и таких его учеников, как А. Майнонг и К. Твардовский. Исследуются особенности учения Brentano о методе философствования, вносятся некоторые уточнения, позволяющие избежать некорректных интерпретаций данного учения. Также показывается, какие дополнения в метафилософию Brentano внесли Майнонг и Твардовский. В третьей части анализируются взгляды на философию таких мыслителей, как Э. Мах и Л. Больцман. Обсуждаются требования, предъявляемые к философствованию со стороны естествоиспытателей начала XX в. Дополнительно рассматриваются метафилософские представления раннего М. Шлика, уточнявшего в работе «Всеобщее учение о познании» характер содействия, оказываемого естественным наукам философией. В четвертой части воспроизводится метафилософия раннего Л. Витгенштейна и таких представителей Венского кружка, как М. Шлик, Р. Карнап и О. Нейрат. Проясняются особенности понимания деятельностного характера философии венскими позитивистами, показываются различия в трактовке метода философствования.

Ключевые слова: метафилософия, австрийская философия, Б. Больцано, школа Ф. Brentano, Э. Мах, Л. Больцман, Венский кружок.

Введение

Основной метафилософский вопрос достаточно легко сформулировать: «Что такое философия?» Этот вопрос связан с несколькими дру-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

гими: «Что значит философствовать?», «Каковы методы философии?», «В чем состоит ценность философии?», «Зачем нужны философы?»¹. В статье мы последовательно рассмотрим то, как на основной метафилософский вопрос и на связанные с ним вопросы отвечали ведущие австрийские философы XIX — первой половины XX вв. Ответы выстраивались между двумя основными решениями: 1) философия — это определенная наука, научная дисциплина, и 2) философия — это определенная деятельность, не способная получить дисциплинарного или институционального воплощения, но необходимая в рамках существующих дисциплин и институтов. Решение основного метафилософского вопроса, безусловно, определялось тем, как австрийские мыслители отвечали еще и на дополнительные вопросы. Вопрос вида «Что значит философствовать?» (а также «Каковы методы философии?») несколько двусмыслен и может быть разделен на два подвопроса: дескриптивный «Как принято философствовать?», ответить на который призвана история философии, и прескриптивный, или нормативный, «Как надо философствовать?», который скорее можно отнести к собственной части «философии философии». Австрийские философы предпочитали давать ответ именно на нормативный вопрос, а история философии в существенной степени была не столько дескрипцией существовавших способов философствования, сколько их ревизией. Австрийские философы, выстраивая «философию философии», начинали с предъявления определенных требований к философствованию и составляли списки «процедурных предписаний», детерминирующих, в частности, стиль философствования. Примечательно, что среди рассматриваемых нами философов не было существенных расхождений в понимании того, какими должны быть требования, — собственно, теми же, какие предъявляются к любому научному исследованию и в согласии с которыми можно сформулировать критерии, позволяющие оценить степень научности той или иной дисциплины. Однако австрийские мыслители не могли сойтись в ответах на такие вопросы, как «В чем состоит ценность философии?» и «Зачем нужны философы?».

Основной текст нашей статьи состоит из четырех частей. В первой части мы рассмотрим метафилософские идеи Бернарда Больцано, покажем, каким был его подход к определению понятия философии. Вторая часть посвящена метафилософии Франца Brentano и некоторых его учеников — Казимира Твардовского и Алексиуса Майнонга. Больцано, Brentano, Твардовский и Майнонг определяли философию как некоторую науку, имеющую свою предметную область, предлагаю-

¹ См. современное введение в проблемы метафилософии: [1].

щую объяснения и расширяющую наши знания; тем интереснее сопоставить такое понятие философии с тем, как философию понимали известные ученые, представители естественных наук. В третьей части мы обсудим метафилософские рассуждения Людвиг Больцмана и Эрнста Маха, а также подводящие им своеобразный итог размышления Морица Шлика, представленные в его работе «Всеобщее учение о познании», написанной до знакомства с идеями Витгенштейна. Наконец, в четвертой части мы обратимся к метафилософии Людвиг Витгенштейна и трех представителей Венского кружка — Морица Шлика, Рудольфа Карнапа и Отто Нейрата. Покажем, каким образом рассуждения о философии как помощнице естественных наук содействовали тому, что философия стала пониматься уже не как наука, расширяющая наши познания, но как деятельность, позволяющая понять имеющееся знание.

Метафилософские идеи Б. Больцано

Бернард Больцано, предлагая решение основного метафилософского вопроса («Что такое философия?»), стремился прежде всего ответить на такие дополнительные вопросы, как «Что значит философствовать?» и «Зачем нужны философы?».

Вопрос о способе философствования Больцано интерпретировал как нормативный, состоящий из двух частей — отрицательной: «Как не надо философствовать?» и положительной: «В чем же философствование состоит?». О своих известных философских современниках (Шеллинге и Гегеле) он говорил, что они не могут называться философами и должны иронично именоваться «непогрешимыми мудрецами» (см.: [2, S.194–197]). Производимые такими «мудрецами» философские системы не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к науке, и не соответствуют критериям научности. Создатели грандиозных философских систем, согласно Больцано, объявляют себя никак не связанными какими-либо логическими и концептуальными обязательствами, для них ничего не значат требования вида «Объясняй все отчетливо», «Проясняй значение основных терминов», «Показывай, на чем основываются твои утверждения» и т. п. Они постоянно оставляют читателей в недоумении: не фиксируют значения терминов, не определяют понятия или ловко подменяют смыслы понятий, прибегают к образному языку и символам, но не дают толкований этой образности, приводят доказательства, но не объясняют статус доказательств (единственные ли они, или возможны другие). Итак, «непогрешимые мудрецы» отличаются от философов тем, что нарушают требования ясности и отчетливости выражения мыслей, последовательности и понятности изложения, открытости к разумной

критике, обоснованности тезисов. С другой стороны, соблюдение этих требований философами делает философию тем, что согласно формальным критериям научности может рассматриваться как наука. Но какого рода эта наука? Для ответа на вопрос надо решить, в чем же состоит философствование и кем, собственно, является философ.

Философствование, согласно Больцано, не есть некоторое досужее размышление, оно своей целью имеет открытие новых истин. Философским не назовут и любое научное размышление: есть некоторая интуитивная разница между, например, описанием существующих законов (составлением списков законов) и объяснением того, почему такие законы существуют (каковы основания обязанностей и прав). Больцано называл философским любое размышление, нацеленное на установление оснований и причин для данных следствий и действий или, наоборот, на определение следствий и действий из принятых оснований и причин. Любопытным следствием из такого определения философствования оказывается то, что к размышлениям, философским по своей сути, будет переходить всякий ученый, решивший объяснить исследуемые феномены и найти обоснование установленным истинам. Такое следствие Больцано принимал и заявлял, что философствование «своим предметом может иметь что угодно, философское исследование не ограничено по предмету: мы философствуем не только о Боге и мире, духе и природе, добродетели и грехе, праве и неправе, политическом устройстве, но и об истории, природоописании, музыке, искусстве танцев и приготовления блюд» [3, S. 11].

Если философствовать может каждый, кто в рамках своей научной деятельности объясняет и обосновывает открытые истины, то возникает сложность с определением философии как научной дисциплины. Чтобы эту сложность устранить, Больцано отвечал на другой вопрос: «Зачем философы нужны?», или «Кто есть философ?». Философом, согласно Больцано, можно назвать только того, кто философствует о вещах, обладающих особой важностью и значимостью для всех людей. Но это не всё. Философ всегда больше, чем ученый: философ стремится учить и действовать так, чтобы тем самым непосредственно воздействовать на общество, напрямую способствовать восхождению человечества, сделать его мудрее, нравственнее и счастливее.

Философия — это имя той науке, которой занимается философ (больцановский философ, т.е. человек, напрямую способствующий прогрессу общества и восхождению человечества). В свете приведенных разъяснений становится понятным определение философии, предложенное Больцано: «Философия — это наука об объективных взаимосвязях всех тех истин, в последние основания которых мы ставим

себе задачей по возможности проникнуть, чтобы посредством этого сделаться мудрее и лучше» [3, S. 33]. Заметим, что в определении Больцано содержатся тезисы, которые в других контекстах могут составить совершенно другое определение. В четвертой части мы увидим, что благородное стремление «проникнуть в последние основания объективной взаимосвязи всех истин и посредством этого изменить жизнь к лучшему» понималось также и логическими позитивистами как собственно философское, но понятие философии при этом относилось не к роду «наука» (система истин), а к роду «деятельность». Последовательное изменение контекста мы опишем во второй и третьей частях.

Метафилософия Ф. Brentano и его школы

Для Франца Brentano и его учеников философия была конгломератом различных научных дисциплин, отличающихся от остальных наук по предмету и решаемым задачам, но схожая с ними по методу. Знаменитый четвертый габилитационный тезис, вызвавший наибольшие возражения во время защиты Brentano в 1866 г., гласил: «Истинный метод философии не есть какой-либо иной, чем метод естественных наук» [4, с. 19]. Тезис этот требует некоторых уточнений.

Во-первых, из тезиса не следует, что Brentano (и его ученики) стремились, подобно У. ван О. Куайну, к «натурализации» философии. Философский натурализм может предстать, как минимум, в двух формах: как метафизический (существуют только материальные или физические объекты) и как эпистемологический (все существующие объекты должны исследоваться научным методом). Brentano скорее был сторонником эпистемологического натурализма и утверждал, что методы естественных наук и философии тесно связаны, но он не согласился бы с положениями метафизического натурализма и отрицал бы, что существуют только физические феномены.

Во-вторых, говоря о научных методах, Brentano не имел в виду единый метод (и тем более единственный), — он был бы противником физикалистского проекта единой науки. Каждая научная дисциплина, согласно Brentano, требует отдельного метода и предполагает особый уровень точности, в согласии с природой исследуемых объектов. Разные методы, безусловно, имеют нечто общее, в силу чего они и становятся научными: в их основании лежит опыт, и они предполагают применение индукции и дедукции. Brentano, в частности, не был сторонником полной математизации наук: «Математический анализ, являющийся во многих областях естествознания главным средством прогресса, в других областях... не играет почти никакой роли» [5, с. 81].

Что же следует из метафилософского тезиса Brentano?² Первое следствие — нет особого метода, который как-то отличал бы или дополнительно характеризовал философское исследование, делал бы такое исследование тем, что возвышается над науками (или предшествует научному поиску, лежит в его основании). Brentano и его ученики протестовали против «спекулятивного метода» философии. Для всех представителей школы Brentano термин «спекуляция» означал некоторое аметодичное, ненаучное мышление, которое начинает господствовать в истории философии всякий раз, когда пропадает живой и чистый теоретический интерес к философским вопросам. Второе следствие — между методами философии и естественных наук существует тесная связь. Речь не идет о редукции метода философии к методу физики, а также и о поверхностной математизации, формализации философского исследования. Общим для всех наук является то, что они начинают с опыта, строго формулируют гипотезы, осуществляют индуктивные обобщения и делают дедуктивные выводы. Между научными дисциплинами, согласно Brentano, существуют некоторые различия, однако разграничительные линии не абсолютны, ученые должны взаимодействовать и координировать свои исследования.

Специфический предмет философских исследований, согласно Brentano и его ученикам, — объекты внутреннего опыта, или психические феномены. Естественные науки абстрагируются от всего, связанного с понятием психического, изучают физические феномены; философия, применяя методы, аналогичные методам естественных наук, изучает феномены психические. Ученики Brentano стремились несколько уточнить такую предметную характеристику философии. В частности, Алексиус Майнонг указывал на то, что философия интересуется не только реальными объектами, но и объектами идеальными (позиция Майнонга подробно изложена его учеником и коллегой Алоисом Хёфлером [7, S. 4–23]). Например, важный раздел философии, согласно Майнонгу, составляет теория отношений и комплексов, а отношения как таковые не могут пониматься ни как нечто физическое, ни как нечто психическое. Учитывая особое положение теории отношений в совокупности наук (для философии эта дисциплина является слишком специальной, для математики слишком общей), Майнонг предложил дополнить определение философии указанием на ее «всеобщий» характер. Таким образом, содержательной характеристикой философии оказывается ее интерес к психическим феноменам, формальной

² Ср. с интерпретацией Вольфганга Хюмера: [6].

характеристикой — то, что она превосходит все остальные науки по универсальности.

Характерная для философии универсальность часто неверно интерпретировалась, например предполагалось, что «к системе наиболее общих знаний можно прийти лишь тогда, когда с самого начала все дедуцируется из одного единственного принципа» [7, S. 14]. Правда, не только методологические предрассудки мешали философам правильно выстраивать свою науку. Согласно Казимиру Твардовскому, главный источник ошибок в философских исследованиях — неясность мышления, основным симптомом которой выступает неясность выражения (см.: [8]). Для устранения неясности Твардовский предлагал применять к философской терминологии метод реконструкции. Такая реконструкция должна проходить в два этапа. Первый этап состоит в исследовании некоторых сущностных свойств наиболее типичных предметов, подпадающих под данное понятие, и конструировании соответствующей аналитической дефиниции. На втором этапе, после череды перепроверок, вносятся исправления в эту дефиницию, уточняется, будут ли истинными для некоторых других предметов определяемого понятия аналитические тезисы, выводимые из дефиниции.

Основатель Львовско-Варшавской философской школы, подарившей миру таких логиков, как Ян Лукасевич, Станислав Лесневский и Альфред Тарский, высказывался за весьма осторожное применение формальной логики при анализе философских проблем. Твардовский был противником того, что он называл «символоманией» — чрезмерной увлеченностью логическими символизмами, и связанной с этим «прагматофобии» — излишней концентрации внимания на синтаксических аспектах таких символизмов (см.: [9]). За логическими конструкциями, даже такими, которые формально безупречны, могут скрываться крайне сомнительные интуиции. Кроме того, очень часто эти конструкции не снабжаются в рамках философского исследования какой-либо моделью. Для Твардовского (как и для его учителя Brentano) научность философии определялась не степенью формализации (или математизации), а способностью отвечать требованиям, предъявляемым ко всем научным исследованиям.

Итак, Brentano и его ученики предлагали понимать философию как науку, взаимодействующую с другими научными дисциплинами и применяющую методы, аналогичные методам естественных наук. Однако что дает самим естественным наукам философия? В чем, с точки зрения естествоиспытателей, ценность философии? Ответы на эти вопросы мы обсудим в третьей части.

Метафилософские взгляды Л. Больцмана, Э. Маха, раннего М. Шлика

В речи, произнесенной 21 октября 1895 г. при занятии кафедры истории и теории индуктивных наук в Венском университете, Эрнст Мах утверждал, что для современности характерно стремление к объединению дисциплин и построению междисциплинарных подходов, и в этом смысле философия и естественные науки тянутся друг к другу: «Отдельные специальные области знания тяготеют друг к другу, ища взаимной связи. Так и среди философов постепенно прокладывает себе путь мысль, что вся философия может заключаться только во взаимном критическом дополнении, проникновении и объединении специальных наук в одно единое целое» [10, с. 202].

Схожие идеи Мах развивал несколько позднее в статье «Философское и естественно-научное мышление». Ученый-специалист и философ, каждый со своей стороны, по сути, решают одну задачу — объединения специальных областей знания и построения подлинной «энциклопедии» наук. Философ «стремится к возможно полной и всеобъемлющей ориентировке во всей совокупности фактов» и не может «до конца возвести своего здания, не позаимствовав для этого материал у специалиста» [11, с. 37]. Ученый-специалист, пытаясь найти наиболее общие объяснения своим специальным фактам, с неизбежностью переступает границы собственной научной дисциплины и пытается учесть те результаты, к которым пришли другие ученые-специалисты в рамках своих исследований. Получается, что «все специалисты в совокупности стремятся к полной и всеобъемлющей ориентировке при помощи объединения всех своих специальных областей» [11, с. 37]. Следовательно, конечные цели специально-научного и философского исследований совпадают.

Для достижения согласия между философами и естествоиспытателями, полагал Мах, требуется, чтобы, с одной стороны, философ принимал активное участие в естественно-научной работе, с другой — чтобы ученый-специалист преодолевал профессиональную ограниченность и посвящал «собственную свою работу ума вопросам философским» [11, с. 38]. И философу, и ученому-специалисту необходимо выявлять и преодолевать предрассудки, оставшиеся в виде мусора от прежних исследований. Задача философа — «время от времени расчищать эти кучи мусора» [11, с. 38], определять и устранять ложные, мешающие прогрессу знания, проблемы.

Похожим образом роль и место философии в системе наук понимал Людвиг Больцман. Он также отмечал, что любой ученый, стремя-

щийся к полноте объяснений, с неизбежностью наталкивается на вопросы, лежащие в пограничной области между его наукой и философией. Ученый-естествоиспытатель не может не касаться философских вопросов хотя бы потому, что в основании его науки лежит требование перепроверки данных: ученый не должен слепо верить прибору, и точно так же не должен доверять «прирожденным или исторически развившимся понятиям и мнениям» [12, с. 383]. Однако один ученый-специалист с этим не справится, необходимо содействие философа.

Для того чтобы содействие естественным наукам оказалось успешным, сама философия должна устранить господствующие в ней предрассудки. Философы нередко запутывались в противоречиях, находя тривиальные вещи полными неразрешимых загадок. Источником таких затруднений Больцман считал неоправданное доверие к «законам мышления», то есть устоявшимся формам сочетания восприятий. «Законы мышления» образовались в результате человеческой эволюции и по своему эпистемологическому характеру ничем не отличаются, например, от оптического механизма глаза: они доказали свою эффективность в ходе борьбе за выживание, но в этом заключается и их ограниченность, поскольку «ставшие привычкой формы мышления оказались не очень приспособленными для решения абстрактных, столь удаленного от практического применения проблем философии» [12, с. 384]. Иногда то, что было целесообразным в некоторых обстоятельствах, в других обстоятельствах, или при расширении изначальных, оказывается нецелесообразным. Именно это и происходит в ходе научных исследований с привычками мышления.

Привычки мышления могут создавать иллюзию того, что некоторые вопросы лежат за пределами человеческого познания. Первая функция философии — разоблачать такие привычки мышления, лишать их силы, выяснять, какие из них нецелесообразны, т.е. препятствуют успешному решению естественно-научных задач. Вторая функция философии — отбирать целесообразные сочетания понятий и слов, т.е. такие привычки мышления, которые позволили бы адекватно (по крайней мере, непротиворечиво) отобразить данное в опыте: «Если бы философии удалось создать такую систему, в которой были бы ясно показаны все... случаи неправомерной постановки вопросов, в результате чего произошло бы постепенное отмирание привычного стремления к ним, то тогда одним ударом были бы разрешены труднейшие загадки и философия стала бы достойной звания царицы наук» [12, с. 386].

Содействующая прогрессу наук философия не привносит свое дополнительное содержание в совокупное содержание научных дисциплин: она устраняет ложные, мешающие естествоиспытателю, пробле-

мы, а остальное предоставляет позитивному исследованию. Поэтому, например, Э. Мах утверждал, что «философия, в идеале, должна прежде всего давать только отрицательный регулятив естественно-научному исследованию» [11, с. 48]. В частности, философия должна разоблачить как мнимые проблемы непознаваемой вещи в себе или непознаваемой души; после того, как совершенно исключается то, исследование чего не имеет никакого смысла, с большей ясностью проступает то, что может быть исследовано специальными науками, — с точки зрения Маха, это многообразная, всесторонняя зависимость нейтральных элементов опыта между собой.

Содействие, которое философия оказывает естественным наукам, может состоять не только в устранении препятствий на пути исследования и предоставлении «отрицательного регулятива»; прояснение основополагающих понятий, разъяснение базовых принципов может образовать положительное содержание некоторого, философского по сути, исследования. В работе «Всеобщее учение о познании» (1918) Мориц Шлик утверждал, что такое исследование может проводить сам ученый-специалист: «Путей к философии бесконечно много. Но на деле к ней приходят, как это особенно подчеркивал Гельмгольц, отправляясь от любого научного вопроса, если только он преследуется достаточно далеко» [13, S. 138]. Согласно Шлику, наделенный подлинным исследовательским духом ученый-специалист, стремясь объяснить некоторое явление, не останавливается на достигнутом и задается вопросом о возможном обосновании данного им объяснения, о тех более общих истинах, из которых выводится его специальное знание. Науки можно представить как последовательность вложенных друг в друга систем истин, упорядоченную по степени универсальности. Более универсальные науки служат при этом основаниями для менее универсальных. Самая универсальная из наук — физика — в поисках окончательного объяснения приходит к философским вопросам: «Ученый-физик не может не сделать шаг в область чистой философии, ибо иначе он не сумеет понять смысл своей собственной деятельности. Действительно, великий исследователь всегда также и философ» [13, S. 125].

В рамках такой картины познания философия перестает быть самостоятельной наукой, тем, что существует рядом с отдельными специальными дисциплинами (или над ними). Шлик помещает философию внутрь специальных научных дисциплин: «Каждое особое знание, каждое специальное познание предполагает всеобщие принципы, из которых оно, в конце концов, исходит, и без которых оно не было бы познанием. Философия есть не что иное, как система этих принципов» [13, S. 123]. Итак, мы видим, что у Шлика, во многом продолжающего

рассуждения Маха и Больцмана, философия, по сути, утрачивает дисциплинарную или институциональную привязку: философствовать может каждый ученый-специалист, наделенный подлинно исследовательским духом. Шлик, правда, еще считал, что философия есть совокупность каких-то истин. Под влиянием Витгенштейна он изменит свое мнение и уже в конце 1920-х годов будет понимать философию как особую деятельность.

Метафилософия Л. Витгенштейна и представителей Венского кружка

Метафилософское учение Людвиг Витгенштейна, изложенное в «Логико-философском трактате», может быть представлено следующим образом (см.: [14]). Философия радикально отличается от наук: она не измышляет гипотезы о мире, не расширяет границы наших знаний, не пользуется научными методами и не делает научных открытий. Философия не описывает мир и не исследует сознание; она не конструирует теории и вообще не существует в виде некоторой системы истин. Философия — деятельность, совокупность действий, направленных на прояснение наших мыслей. Ее задача — устранять непонимание, распутывать неясности, разрешать вопросы, возникающие в силу запутывающих и сбивающих с толку особенностей поверхностной грамматики естественного языка. Несколько позднее Витгенштейн так объяснял эту задачу: «Идея такова: в годном для этого символизме выразить то, что, будучи скрыто в обычном языке, может привести к бесконечным ошибкам. Там, где обычный язык скрывает логическую структуру, там, где он позволяет сформировать псевдопредложения, в которых слова обесмыслены, там, где он использует неоднозначное слово в бесконечности его значений, мы должны заменить его на символизм, который бы четко являл логическую структуру, исключал бы псевдопредложения, а слова использовались бы однозначно» [15, с. 210–211]. Философия — это анализ предложений и критика языка; в результате такой деятельности не конструируются системы философских предложений, но разоблачаются псевдопредложения и проясняются предложения науки.

Познакомившиеся с «Логико-философским трактатом» представители Венского кружка признали основной метафилософский тезис Витгенштейна — философия есть деятельность. Например, Мориц Шлик, который еще в 1918 г. полагал, что существует система философских истин, в 1930 г. будет уже утверждать, что философия не является системой предложений, а поскольку любая наука есть система истинных

опытных предложений, то философия не является наукой. Что же тогда она такое? «Философия есть нечто столь значительное и великое, что она... может почитаться царицей наук. Нигде же не сказано, что царица наук сама должна быть наукой. Философия... не система знания, а система деятельности» [16, с. 101]³.

Любопытно, что венские позитивисты несколько по-разному понимали характер философской деятельности. Для Шлика она сводилась к установлению или раскрытию смысла высказываний. Сама работа по прояснению смысла высказываний не требует существования особых специалистов, она может и должна осуществляться самими учеными-практиками. Дело в том, что последовательность разъясняющих высказываний, возникающая в результате прояснения смысла некоторого исходного высказывания, должна быть конечной: «Она всегда завершается фактическим указанием, предъявлением подразумеваемого, т. е. реальным действием; только оно не нуждается ни в каких разъяснениях; окончательное установление смысла всегда осуществляется посредством действий, из них состоит философская деятельность» [16, с. 102]. История науки, согласно Шлику, показывает, что настоящие исследователи всегда стремились прояснить смысл фундаментальных предложений своей науки. Сам процесс развития научного знания и отделения наук от философии Шлик предлагает понимать так: в те моменты истории, когда философия полагалась чем-то тождественным чистому теоретическому научному исследованию, наука находилась еще на такой стадии развития, когда свою главную задачу она видела в прояснении собственных теоретических понятий; момент отделения науки от философии служил свидетельством тому, что эта наука с достаточной ясностью определила смысл своих основных понятий и теперь может успешно работать дальше. Даже в сложившихся науках ведущие ученые могут снова возвращаться к деятельности по прояснению некоторых фундаментальных понятий. Именно как философскую оценивал Шлик деятельность Эйнштейна по прояснению понятий пространства и времени.

Для Рудольфа Карнапа философская деятельность имела несколько более определенный смысл: она сводилась к логическому анализу предложений и понятий эмпирических наук. Собственно, Шлик и Карнап сходились в понимании предмета философствования (естествознание, более широко — эмпирические науки), но вот их представления о методе несколько различались. Для Карнапа прояснение предложений

³ Ср. с противоположным утверждением Ф. Brentano: «Королева всегда должна быть королевой своего народа, а королева наук сама необходимым образом должна быть наукой» [5, с. 60].

науки посредством логического анализа заключалось в создании «конструкционной системы», т. е. в разбивке предложений на составляющие их понятия и в сведении понятий высокоуровневых к понятиям низкоуровневым (соответственно, исходных предложений — к базовым) [17, с. 105]. Шлик менее определенно понимал прояснение смысла высказываний — так, что оправдывалось применение понятия философствования к тем видам духовной деятельности, которые направлены не на чистое познание, а на способы жизни (см.: [16, с. 103]).

Особую связь философской деятельности с возможностями преобразования жизни усматривал Отто Нейрат. Современный философ, сторонник научного миропонимания, согласно Нейрату, пытается придать единообразную логическую форму всем мыслительным процессам, связать между собой результаты отдельных исследований, проанализировать методы наук и способы научного образования понятий. Через это преодолевается представление о существовании принципиальных границ между научными дисциплинами и постепенно создается всеохватывающая система единой науки. Но создание единой науки для Нейрата служило не целью, а средством — социальных изменений и духовных переворотов. Нейрат писал: «Мы связаны совместной работой с другими мыслителями, с условиями жизни своего поколения. Планомерная совокупная умственная деятельность, по-видимому, возможна только в планомерно реорганизованном обществе, которое с помощью земных средств установит строгий и сознательный порядок жизни во имя земного счастья людей. Только социальные изменения приводят к духовным переворотам» [18, с. 158–159]. И еще: «Представители научного мировосприятия ощущают себя передовыми прогрессивными людьми, они осознают себя участниками грандиозного революционного процесса, вносящего дух научности во все стороны общественной жизни» [19, с. 190]. Стоит отметить одну любопытную деталь: Нейрат предпочитал употреблять слово «философия» только в негативном контексте обсуждения отживших или преодолеваемых наукой представлений и образов мысли. Став деятельностью, способной революционизировать действительность, вносить дух научности во все стороны общественной жизни и влиять на политическое развитие, философия утратила исходное имя и стала называться «научным мировосприятием». На наш взгляд, это обстоятельство позволяет оценить метафилософскую позицию Отто Нейрата как наиболее радикальную из всех, рассмотренных нами.

Заключение

Подведем итог, представив ответы рассмотренных нами мыслителей на метафилософские вопросы. На основной вопрос «Что такое философия?»: 1) Больцано, Brentano и представители его школы отвечали — «наука», правда, понимали под этим не одно и то же (для Больцано философская наука — это определенная система истин, для Brentano и его учеников — эмпирическая научная дисциплина, исследующая объекты внутреннего опыта); 2) Мах и Больцман отвечали также — «наука», однако лишали при этом философию собственного положительного содержания, видя в ней лишь средство устранения препятствий на пути специальных исследований; 3) Витгенштейн и венские позитивисты утверждали — «деятельность», правда, несколько расходились в понимании характера этой деятельности (например, для Карнапа она была рутинной работой логика по построению «конструкционной системы», а для Нейрата — системой действий по преобразованию жизни). На вопрос «Что значит философствовать?»: 1) Больцано отвечал: «Объяснять и обосновывать»; 2) Brentano и представители его школы — «проводить эмпирическое исследование, методически схожее с исследованиями в естествознании»; 3) Мах и Больцман — «разоблачать предрассудки, лишать силы нецелесообразные привычки мышления, устранять иллюзорные проблемы»; 4) Витгенштейн и представители Венского кружка — «прояснять предложения науки, выявлять псевдопредложения, анализировать имеющееся научное знание». Наконец, на вопрос «В чем ценность философии?» предлагались следующие ответы: 1) Больцано говорил о том, что она позволяет нам проникнуть в последние основания тех истин, посредством познания которых мы становимся мудрее, добродетельнее и счастливее; 2) Brentano и его ученики полагали, что она позволяет нам расширить имеющиеся знания (ценность философии тождественна ценности любой правильно построенной эмпирической науки); 3) Мах и Больцман указывали на то, что она помогает наукам в их стремлении ко всеохватному знанию, предоставляя «отрицательный регулятив»; 4) Витгенштейн и венские позитивисты считали, что она способствует лучшему пониманию научного знания и через это воздействует на нашу жизнь (например, по Витгенштейну, проводя границу между знанием (то, что может быть выражено) и действием (то, что может быть показано), или, по Нейрату, консолидируя исследования ученых-специалистов, содействуя просвещению и научному преобразованию общества).

Литература

1. Overgaard, S., Gilbert P., Burwood, S. (2013), *An Introduction to Metaphilosophy (Cambridge Introductions to Philosophy)*, Cambridge: Cambridge University Press.
2. Bolzano, B. (1994), *Lehrbuch der Religionswissenschaft. Erster Teil. §§ 1–85*, in: Bolzano, B. *Gesamtausgabe*, Reihe I. Bd. 6, 1, Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-holzboog.
3. Bolzano, B. (1978), *Was ist Philosophie?*, in: Bolzano, B. *Gesamtausgabe*, Reihe II. A. Bd. 12, Dritter Teil, Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-holzboog, S. 13–33.
4. Brentano, Ф. (2018), Габилитационные тезисы, в: Brentano, Ф. *О будущем философии. Избранные труды*, М.: Академический проект, с. 19–23.
5. Brentano, Ф. (2018), О будущем философии, в: Brentano, Ф. *О будущем философии. Избранные труды*, М.: Академический проект, с. 59–90.
6. Nuemer, W. (2018), “Vera philosophiae methodus nulla alia nisi scientiae naturalis est”: Brentano’s Conception of Philosophy as Rigorous Science, *Brentano Studien*, vol. 16, S. 53–72.
7. Höfler, A. (1922), *Logik. 2., sehr vermehrte Auflage*, Wien: Verlag Hölder-Pichler-Tempsky.
8. Твардовский, К. (1999), О ясном и неясном философском стиле, в: *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*, М.: РОССПЭН, с. 11–13.
9. Твардовский, К. (2006), Символизация и прагматофобия, в: *Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы. Вып. 1*, СПб.: ИД «Миръ», с. 238–252.
10. Мах, Э. (1909), *О влиянии случайных обстоятельств на изобретения и открытия*, Популярно-научные очерки, пер. с нем. Котляра, Г. А., СПб.: Образование, с. 201–216.
11. Мах, Э. (2003), Философское и естественно-научное мышление, в: *Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования*, М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, с. 35–51.
12. Больцман, Л. (1984), О статистической механике, в: Больцман, Л. *Избранные труды*, М.: Наука, с. 378–391.
13. Schlick, M. (2009), *Allgemeine Erkenntnislehre, Kritische Gesamtausgabe*, Abt. I. Bd. 1, Wien: Springer-Verlag.
14. Витгенштейн, Л. (1994), *Логико-философский трактат*, в: Витгенштейн, Л. *Философские работы. Ч. I*, М.: Гнозис, с. 3–73.
15. Витгенштейн, Л. (1995), Несколько заметок о логической форме, *Логос*, № 6, с. 210–216.
16. Шлик, М. (2006), Поворот философии, в: *Журнал «Erkenntnis» («Познание»)*. Избранное, М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, с. 98–104.
17. Карнап, Р. (2006), Старая и новая логика, в: *Журнал «Erkenntnis» («Познание»)*. Избранное, М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, с. 105–119.
18. Нейрат, О. (2006), Пути научного миропонимания, в: *Журнал «Erkenntnis» («Познание»)*. Избранное, пер. с нем. Никифорова, А. Л., М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, с. 143–159.
19. Нейрат, О. (2006), Заметки об истории, в: *Журнал «Erkenntnis» («Познание»)*. Избранное, М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, с. 188–190.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2021 г.;
рекомендована к печати 12 ноября 2021 г.

Контактная информация:

Миронов Дмитрий Геннадьевич — канд. филос. наук, доц.;
d-21312556@yandex.ru

Austrian metaphilosophy from Bolzano to the Vienna Circle

D. G. Mironov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Mironov D. G. Austrian metaphilosophy from Bolzano to the Vienna Circle. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 200–216. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.113> (In Russian)

The purpose of the article is to compare and analyze the metaphilosophical ideas of the key Austrian thinkers of the 19th and the first half of the 20th centuries. To achieve this goal, several tasks are solved: first, to identify the main metaphilosophical positions shared by different Austrian philosophers, second, to reconstruct some details of the discussed metaphilosophical approaches, and third, to clarify the context within which the change in metaphilosophical views took place. The author uses the methods of rational reconstruction and historical-philosophical comparisons. The main content of the article is divided into four parts. The first part discusses the metaphilosophy of B. Bolzano: describes the requirements that Bolzano imposed on philosophizing, and shows how he approached the question of defining the concept of philosophy. The second part examines the details of the metaphilosophical position of F. Brentano and such of his disciples as A. Meinong and K. Twardowski. The peculiarities of Brentano's views concerning the method of philosophizing are examined, and some clarifications are made to avoid incorrect interpretations of this views. The author also shows what supplementations to Brentano's metaphilosophy were made by Meinong and Twardowski. The third part analyzes the views on the philosophy of such thinkers as E. Mach and L. Boltzmann. The requirements for philosophizing on the part of natural scientists of the beginning of the 20th century are discussed. In addition, the author considers the metaphilosophical ideas of the early M. Schlick, who clarified the nature of the assistance provided to the natural sciences by philosophy in his work "General Theory of Knowledge". The fourth part reproduces the metaphilosophy of the early L. Wittgenstein and such representatives of the Vienna circle as M. Schlick, R. Carnap and O. Neurath. The peculiarities of the Vienna positivists' understanding of the activity-based nature of philosophy are clarified, and the differences in the interpretation of the method of philosophizing are shown.

Keywords: metaphilosophy, Austrian philosophy, B. Bolzano, School of Brentano, E. Mach, L. Boltzmann, Vienna Circle.

References

1. Overgaard, S., Gilbert, P., Burwood, S. (2013), *An Introduction to Metaphilosophy (Cambridge Introductions to Philosophy)*, Cambridge: Cambridge University Press.
2. Bolzano, B. (1994), *Lehrbuch der Religionswissenschaft. Erster Teil. §§ 1–85*, in: *Bolzano, B. Gesamtausgabe*, Reihe I, Bd. 6, 1, Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-holzboog.

3. Bolzano, B. (1978), Was ist Philosophie?, in: *Bolzano, B. Gesamtausgabe*, Reihe II, A, Bd. 12, Dritter Teil, Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-holzboog, S. 13–33.
4. Brentano, F. (2018), Habilitation-theses, in: Brentano, F. *On the Future of Philosophy. Selected Works*, Moscow: Akademicheskii proekt Publ., pp. 19–23. (In Russian)
5. Brentano, F. (2018), On the Future of Philosophy, in: Brentano, F. *On the Future of Philosophy. Selected Works*, Translated by R. A. Gromov, Moscow: Akademicheskii proekt Publ., pp. 59–90. (In Russian)
6. Huemer, W. (2018), “Vera philosophiae methodus nulla alia nisi scientiae naturalis est”: Brentano’s Conception of Philosophy as Rigorous Science, *Brentano Studien*, vol. 16, pp. 53–72.
7. Höfler, A. (1922), *Logik. 2., sehr vermehrte Auflage*, Wien: Hölder-Pichler-Tempsky.
8. Twardowski, K. (1999), On Clear and Obscure Styles of Philosophical Writing, in: *Philosophy and Logic of the Lvov-Warsaw School*, Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 11–13. (In Russian)
9. Twardowski, K. (2006), Symbolomania and Pragmatophobia, in: Vasiukov, V. L. (ed.), *Studies on the Analytical Heritage of the Lvov-Warsaw Philosophical School*, iss. 1, St Petersburg: Mir Publ., pp. 238–252. (In Russian)
10. Mach, E. (1909), On the Part Played by Accident in Invention and Discovery, in: Mach, E. *Popular Scientific Lectures*, St Petersburg: Obrazovanie Publ., pp. 201–216. (In Russian)
11. Mach, E. (2003), Philosophical and Scientific Thought, in: Mach, E. *Knowledge and Error. Sketches on the Psychology of Enquiry*, Moscow: BINOM, Laboratoriia znanii Publ., pp. 35–51. (In Russian)
12. Boltzmann, L. (1984), On Statistical Mechanics, in: Boltzmann, L. *Selected Works*, Moscow: Nauka Publ., pp. 378–391. (In Russian)
13. Schlick, M. (2009), Allgemeine Erkenntnislehre, in: Schlick, M. *Kritische Gesamtausgabe*, Abt. I, Bd. 1, Vienna: Springer-Verlag.
14. Wittgenstein, L. (1994), Tractatus Logico-Philosophicus, in: Wittgenstein, L. *Philosophical Works. Part I*, Moscow: Gnozis Publ., pp. 3–73. (In Russian)
15. Wittgenstein, L. (1995), Some Remarks on Logical Form, *Logos*, no. 6, pp. 210–216. (In Russian)
16. Schlick, M. (2006), The Turning Point in Philosophy, in: *The “Erkenntnis” Journal. Favorites*, Moscow: Territoriiia budushchego & Ideia-Press Publ., pp. 98–104. (In Russian)
17. Carnap, R. (2006), The Old and the New Logic, in: *The “Erkenntnis” Journal. Favorites*, Moscow: Territoriiia budushchego & Ideia-Press Publ., pp. 105–119. (In Russian)
18. Neurath, O. (2006), Ways of the Scientific World-Conception, in: *The “Erkenntnis” Journal. Favorites*, Moscow: Territoriiia budushchego & Ideia-Press Publ., pp. 143–159. (In Russian)
19. Neurath, O. (2006), Historical Remarks, in: *The “Erkenntnis” Journal. Favorites*, Moscow: Territoriiia budushchego & Ideia-Press Publ., pp. 188–190. (In Russian)

Received: November 1, 2021

Accepted: November 12, 2021

Author’s information:

Dmitry G. Mironov — PhD in Philosophy, Associate Professor;
d-21312556@yandex.ru